

Отправляясь ко сну, Цзи Ин был самым обычным студентом двадцать первого века. Но, открыв глаза, он осознал, что перенёсся в чужое тело и оказался в совершенно ином мире.

Скорее всего, прежний хозяин этого тела оступился и утонул, позволив незваному гостю занять своё место. Но радоваться было рано: Цзи Ин не унаследовал от покойного ни единого воспоминания.

Смирившись с неизбежным, юноша едва не выл от бессилия. Лишённый памяти, он был обречён: близкие и друзья прежнего владельца быстро почуют неладное. Как тогда выживать в одиночку в этом диком, незнакомом краю?

Собравшись с духом, он как можно деликатнее объяснил оставшемуся с ним юноше в чёрных одеждах, что не помнит ровным счётом ничего. Мол, упал в воду, наглотался, а когда очнулся — память напрочь отшибло.

Незнакомец изумился лишь на мгновение, но быстро взял себя в руки. Сказав, что это дело поправимое, он мягко предложил Цзи Ину для начала вернуться в обитель и переодеться в сухое.

Спутник представился: звали его Шэнь Цинчжоу, вторым же именем было Куньюй. Он занимал почётный пост смотрителя Терема Чёрной Птицы — одного из трёх Библиотечных теремов пэнлайского клана Цинь. Прежнего же владельца спасённого тела звали Тань Ци; девятнадцатилетний юноша служил у смотрителя простым стражником.

Цзи Ин невольно замер, ощутив, как на сердце легла тяжёлая, липкая тоска.

Настоящему Тань Ци едва исполнилось девятнадцать — он был на два года младше самого Цзи Ина. Юноша ушёл в расцвете сил, а его остывающее тело бесцеремонно занял неизвестный пришелец.

Заметив, как помрачнел «Тань Ци», Шэнь Цинчжоу истолковал это по-своему. Решив, что стражника гложет страх перед беспамятством, он ободряюще улыбнулся:

— Не тревожься так. Третий старейшина — лекарь от бога и человек щедрой души. Он непременно вернёт тебе память.

Цзи Ин лишь вымученно улыбнулся в ответ.

«Легко сказать, — подумал он. — Я ведь не настоящий Тань Ци. Каким чудом лекарь вытащит из моей головы то, чего там никогда не было?»

Но делать было нечего — следовало приспособливаться к новой реальности. С этого мгновения он примет имя Тань Ци. В конце концов, в этом мире процветает магия и бессмертие, а значит,

есть крошечный шанс отыскать дорогу домой.

Страхнув уныние, новоиспечённый Тань Ци приободрился и поспешил вслед за Шэнь Цинчжоу в сторону Терема Чёрной Птицы.

Дорожка из гладкого серого сланца петляла среди пышных зарослей диковинных трав и невиданных цветов. Небо над головой сияло хрустальной чистотой, а в тёплом воздухе плыл едва уловимый сладковатый аромат, невольно дарящий покой растревоженным мыслям.

Сквозь изумрудную зелень вековых деревьев проступали очертания павильонов и беседок. Расписные балки, изящные резные карнизы, покрытые багряным лаком парящие галереи — всё вокруг дышало монументальной роскошью. Изредка попадавшиеся навстречу слуги и младшие ученики были одеты с иголочки, излучая то благородное достоинство, что присуще лишь великим кланам.

Тань Ци припомнил слова зрителя. Клан Цинь с острова Пэнлай... Пэнлай в преданиях всегда звался священной обителью среди бушующих вод, а значит, здешние хозяева — могущественные заклинатели, держащие в страхе половину поднебесной. Вот только в романах подобные древние семейства имели незавидную судьбу: они либо становились опорой главного героя, либо — при менее удачном стечении обстоятельств — безжалостно пускались автором на пушечное мясо.

К тому же у него самого фамилия была Тань, а не Цинь. Простой прислужник без роду и племени, мелкая сошка, которой в случае опасности пожертвуют без секундного колебания.

От этих мыслей на душе у Тань Ци стало совсем тоскливо. Сказочные виды, напоминающие небесные чертоги, больше не радовали глаз.

Сланцевая дорожка упрямо карабкалась к самой вершине. К счастью, тело молодого стражника отличалось завидной выносливостью, и Тань Ци не рухнул без сил на первом же крутом подъёме.

В конце подъёма взгляду открылся величественный девятиярусный терем. Солнечные лучи золотыми ручьями стекали по изогнутому, устремлённому ввысь углам черепичной крыши. Здание выглядело настолько грозно и монументально, что Тань Ци, считавший себя искушённым человеком двадцать первого века, против воли застыл с разинутым ртом, замороженный безупречной красотой древнего зодчества.

«Мэнци!» — раздался трубный, ни на что не похожий зов.

Из густой тени под навесом навстречу Шэнь Цинчжоу выскочил крупный, похожий на белоснежного барса зверь, покрытый угольно-чёрными полосами. Радостно заурчав, хищник принялся преданно тереться широким лбом о ладонь зрителя.

Шэнь Цинчжоу ласково потрепал Хэйшицзы за ухом, но, обернувшись, обнаружил, что Тань Ци отпрянул шагов на тридцать назад и теперь испуганно дрожит, укрывшись за стволом раскидистого дерева.

— Ле... леопард! — голос парня дрожал так, словно его колотила лихорадка. — Он... он ведь не бросится?

«Мамочки, и это мир заклинателей?! — в панике подумал он. — Они что, держат свирепых хищников вместо дворовых собак?!»

— Если не станешь дразнить, не тронет, — спокойно ответил Шэнь Цинчжоу. Заметив искренний ужас в глазах подчинённого, он вздохнул и мягко пояснил: — Это мэнцзи, священный зверь гор и морей. С обычным леопардом у него мало общего.

— Мэнцзи? — растерянно повторил Тань Ци.

Он осторожно, прищурившись, глянул на диковинное создание. Обнаружив, что грозная бестия преспокойно развалилась у ног зрителя, всем своим видом напоминая разомлевшего домашнего кота, он наконец решился отлипнуть от дерева.

Стоило первому испугу утихнуть, как в душе Тань Ци зашевелилось жгучее любопытство.

Шагнув вслед за Шэнь Цинчжоу под своды Терема Чёрной Птицы, он увидел, что за массивным столом в глубине зала сидит юноша. Зритель сразу направился к нему и о чём-то негромко заговорил.

На вид паренёк был сверстником покойного Тань Ци. Черты его лица отличались тонкой изысканностью, а дорогие шёлковые одежды, расшитые сложным узором из золотых и серебряных нитей, казались верхом роскоши по сравнению со строгими нарядами зрителя и скромным облачением самого стражника.

Тань Ци благоразумно прикусил язык. Лишь когда богато одетый юноша, весело напевая под нос, приветливо помахал им рукой и покинул терем, он решился спросить Шэнь Цинчжоу:

— А кто это был?

— Молодой глава клана, Цинь Сьюань, — буднично отозвался зритель. — Мой племянник по ордену.

— Твой племянник по ордену? — изумлённо выдохнул Тань Ци.

Шэнь Цинчжоу выглядел от силы на четыре-пять лет старше его самого. Трудно было

представить, что этот молодой парень по статусу равен самому главе клана.

Шэнь Цинчжоу неопределённо кивнул и указал на неприметную дверь в глубине зала:

— Выйдешь через чёрный ход, свернёшь на левую тропинку. Пройдёшь сквозь бамбуковую рощицу — там и будет твой дворик... Впрочем, учитывая твою забывчивость, лучше я сам тебя провожу.

— Огромное спасибо, господин смотритель, — парень расплылся в благодарной улыбке.

— Раньше ты звал меня дядей Кунъюем, — поправил его Шэнь Цинчжоу.

— А... вот оно что! Ха-ха-ха...

Тань Ци неловко почесал затылок. Хоть он и помнил из прочитанных книг, что могущественные заклинатели способны обмануть время и навсегда сохранить юность, назвать «дядей» парня с лицом безупречного юноши у него просто язык не поворачивался. Пришлось отшутиться, чтобы замаять неловкость.

Шэнь Цинчжоу задумчиво прикрыл глаза.

Всё это выглядело странно. Из рук вон плохо.

Тань Ци утверждал, будто лишился памяти, но, если не брать в расчёт внешность, в этом юноше не осталось ни единой знакомой черты. Жесты, манера держаться, построение фраз и даже лексикон — перед Шэнь Цинчжоу стоял совершенно посторонний человек.

Опустив взгляд, смотритель скрыл промелькнувшее сомнение. Без лишних слов он отворил заднюю дверь терема и повёл лже-Тань Ци к его жилищу.

Кем бы ни являлся этот незванный гость, сейчас следовало проявить терпение и не выдавать своих подозрений.

Ничего не подозревая о зародившихся в чужой голове подозрениях, Тань Ци вошёл в выделенную ему комнату. Отыскав в сундуке сухую сменную одежду, он наспех обтёрся полотенцем и принялся натягивать незнакомый наряд.

Почти весь гардероб покойного состоял из одинаковых форменных одеяний клана Цинь. Строгий чёрный шёлк, украшенный серебряным шитьём в виде набегающих волн, и золотая эмблема раскинувшей крылья птицы на груди. Ткань была превосходной выделки — мягкая, плотная и удивительно приятная на ощупь.

Кое-как разобравшись со сложными завязками, Тань Ци подошёл к начищенному медному зеркалу. Из золотистой глубины на него взглянул симпатичный круглолицый парень с открытым взором. Разумеется, до божественной красоты стоявшего во дворе смотрителя — тот казался шедевром, созданным Ньюва в минуты наивысшего вдохновения, — Тань Ци было далеко, однако и дурнушкой его назвать не повернулся бы язык.

Он забавно пошевелил бровями, скорчил рожицу, надул губы и, развеселившись от собственного шутовства, с лёгким сердцем шагнул за порог.

— Переоделся? Тогда за дело. Сегодня твоё дежурство, а до конца смены ещё далеко, — Шэнь Цинчжоу мягко улыбнулся, однако взгляд его оставался холодным и непроницаемым.

У Тань Ци мгновенно вытянулось лицо.

«Ну за что мне это?! — взвыл он про себя. — Я же диплом получить не успел, а меня уже заставили пахать!»

Немного успокоившись, он принялся дотошно расспрашивать начальника о тяготах службы: во сколько нужно заступать на пост, когда можно уходить, предусмотрены ли выходные, где кормят и, самое главное, сколько платят за эту каторгу.

— Заступаешь в час Дракона, свободен в час Петуха. Каждые пять дней — выходной, плюс общие дни отдыха первого и пятнадцатого числа каждого месяца. Жалованье — два ляна серебра. Что до еды... в Павильоне Восьми Деликатесов тебя накормят бесплатно, — без запинки отчеканил Шэнь Цинчжоу, явно повторяя эти нехитрые правила далеко не в первый раз.

Тань Ци быстро прикинул условия в уме. Выходило, что ему предлагают полное обеспечение, рабочий день с восьми утра до шести вечера, восемь выходных в месяц и весьма недурную сумму чистыми на руки.

«Да это же работа мечты!» — воодушевился он.

Тань Ци заговорщицки прищурился. Что ж, раз работа заключается в ленивом присмотре за древними свитками, он готов трудиться не покладая рук!

Хоть должность и именовалась гордым словом «страж», на деле обязанности оказались необременительными. От Тань Ци требовалось лишь следить за порядком на полках, стирать пыль, изредка проветривать старые свитки, раскладывать пахучие травы от вредителей да заносить имена посетителей в гостевую книгу. Всё остальное время он был предоставлен самому себе.

От нечего делать блуждая среди бесконечных стеллажей, он внезапно наткнулся на огромную

карту, занимавшую стену от пола до самого потолка.

На полотне искусной разноцветной вышивкой были очерчены бескрайние империи и далёкие царства. Тань Ци с изумлением обнаружил, что местные письмена разительно похожи на традиционные иероглифы его родного мира. Стоило немного сосредоточиться, и загадочные знаки сами складывались в понятные слова.

— Смотритель... то есть, дядя Куньюй, а где здесь наш клан расположен? — любопытствовал парень.

Шэнь Цинчжоу подошёл ближе и ткнул пальцем в правый нижний угол карты:

— Вот здесь. В древние времена обитель нашего клана звалась горой Циу, ныне же это место известно как Одиннадцать островов Пэнлай. Самый край Восточного моря.

— Пэнлай? Так мы действительно на островах живём? — переспросил Тань Ци.

— Именно. К клану Цинь относится гораздо больше земель, но крошечные клочки суши необитаемы, поэтому их никто не берёт в расчёт.

Тань Ци глубокомысленно кивнул и принялся лениво водить пальцем по толстым линиям, обозначавшим крупные водные артерии на вышивке.

Внезапно рука его замерла. Парень широко раскрыл глаза от немого потрясения, и хрипло, прерывисто вздохнул.

Изгиб великой реки до боли напоминал знакомый символ из прошлой жизни.

Латинскую букву «W».

Медленно, словно боясь спугнуть наваждение, он перевёл взгляд к северной части карты. Там змеилась другая полноводная артерия, изогнутая гигантской угловатой петлёй.

Янцзы. Хуанхэ.

Он по-прежнему дома. Он никогда не покидал эту землю.

На глаза Тань Ци невольно навернулись горячие слёзы.

Тем временем молодой глава клана Цинь Сьюань, надёжно укрывшись под крылом своего юного шишу в Тереме Чёрной Птицы, успел всласть начитать запретных романов. Напряжение последних дней, вызванное бесконечной муштрой строгого отца, наконец растаяло, уступив место блаженному покою.

Однако стоило ему переступить порог Павильона Драгоценной Яшмы — личных покоев его отца, — как за спиной раздался вкрадчивый и угрожающе холодный голос:

— Я велел тебе всего лишь отнести шкатулку младшему дяде. Где тебя носило до самого вечера?

Цинь Сьюань мгновенно вытянулся в струнку — это движение было отработано у него до автоматизма:

— Отец! Ты ведь собирался обсудить с сестрой расторжение её помолвки. Неужели вы уже закончили?

Глава клана Цинь Жуй лишь прищурился. Не удостоив сына ответом, он медленно обошёл парня кругом, заложив руки за спину, и внезапно спросил:

— С чего это ты вытянулся передо мной, как верстовой столб? Снова напроказил где-то на стороне?

— Да бог с тобой, отец, как можно... — юноша предательски забежал глазами. — Ты же прекрасно знаешь мой кроткий нрав...

Цинь Жуй насмешливо погрозил ему пальцем:

— Вот именно потому, что я знаю тебя как облупленного, мне и ясно: ты опять натворил дел. А младший дядя тебя выгородил, так?

— Ну... как видишь, не очень-то у него и вышло... — едва слышно буркнул себе под нос Цинь Сьюань.

— Романы свои глупые читал?

— Никак нет...

— Хм? — в голосе отца послышался опасный рокот.

—... Совсем немного, буквально пару глав.

— Значит, читал, — подытожил Цинь Жуй и снисходительно смерил непутёвого отпрыска взглядом. — Повезло тебе, у меня сегодня благодушное настроение. Прощаю на первый раз, но чтобы больше ни-ни.

Цинь Сьюань облегчённо расплылся в улыбке. Вид этой простодушной физиономии окончательно испортил Цинь Жую боевой настрой; досадливо махнув рукой, он велел парню проваливать на тренировочный плац.

Оставшись в полном одиночестве и убедившись, что за дверями никто не подслушивает, глава клана величественно опустился в кресло и прижал указательный палец к виску.

«Система, откройся!»

В его поле зрения мгновенно развернулся полупрозрачный экран, мерцающий глубокой лазурью. По экрану стремительно побежали строчки кода. Поудобнее устроившись в кресле, Цинь Жуй мысленно перелистнул несколько страниц интерфейса и открыл вкладку «Уровень симпатии».

«Я же отправил младшему шиди золотую статуэтку Пияо, — рассуждал он. — Этот зверь притягивает богатство, а перед золотом ещё ни один смертный не устоял. Уж теперь-то его симпатия ко мне должна была вырасти».

Грозный и умудрённый опытом глава клана Цинь сейчас волновался словно робкий юнец перед свиданием.

Добиться расположения этого найдёныша было задачей поистине титанической. Окружи любого другого адепта такой же заботой и явным покровительством — шкала симпатии давно взлетела бы до максимальной сотни. Но упрямый Шэнь Цинчжоу наотрез отказывался поддаваться уговорам: если уровень его дружелюбия поднимался хотя бы на пять пунктов за раз, это уже приравнивалось к величайшему триумфу.

Стоило совершить малейшую оплошность, и Шэнь Цинчжоу тут же с вежливой улыбкой советовал: «Если почтенному главе нечем занять досуг, ему стоит лично поучить уму-разуму нерадивых учеников на тренировочном плацу».

Цинь Жуй страдальчески вздохнул. Он ведь великий мастер и владыка Пэнлай! Шэнь Цинчжоу полагалось бы трепетать от благоговения и разбиваться в лепёшку ради его одобрения, а тот умудрялся беззастенчиво дерзить ему в лицо. Но обиднее всего было то, что Цинь Жуй и сам частенько соглашался с едкими доводами этого несносного мальчишки.

Неторопливо листая список имён, он скользил взглядом по безупречным показателям. На самой вершине ожидаемо расположились супруга, дети и верные телохранители — у всех стабильные сто процентов верности. Ниже стройными рядами шли старейшины клана и доверенные ученики с показателями около девяноста.

Показатель Шэнь Цинчжоу раньше балансировал в районе скромных семидесяти баллов. Цинь Жуй прокрутил страницу ниже, но имени младшего брата по ордену среди привычных строк не обнаружил.

Глава клана мгновенно подобрался.

«Что за чертовщина?»

Он ещё раз досконально перепроверил список в промежутке от шестидесяти до восьмидесяти баллов, но Шэнь Цинчжоу словно сквозь землю провалился.

«Быть не может!»

Нахмурившись, глава клана ткнул пальцем в поисковую строку в верхнем углу интерфейса, ввёл имя непокорного родственника и запустил поиск.

Экран послушно моргнул, выводя нужную запись. Едва Цинь Жуй скользнул взглядом по результату, у него на мгновение потемнело в глазах.

Напротив имени Шэнь Цинчжоу тускло светилось издевательское число: [47].

Глава клана Цинь рывком поднялся из кресла, едва не разорвав широкие рукава парадного халата.

Так дело не пойдёт. Он должен лично отправиться в Терем Чёрной Птицы и выяснить, какая муха укусила его младшего шиди, раз тот за один день обрушил шкалу своего расположения на целых двадцать пунктов!

<http://bllate.org/book/18428/1766205>